

КОММУНИСТ

В предыдущих своих фильмах, волнующих и незаурядных, — «Мольбе» и «Древо желаний» народный артист СССР, лауреат Государственной премии имени Ш. Руставели, кинорежиссер Тенгиз Евгеньевич Абуладзе, награжденный многими призами на международных, кинофестивалях, начал воздвигать храм медленно и основательно. Без «Покаяния», заключительного фильма трилогии, стройка оставалась как бы незавершенной. И вот: триптих и его автор совсем недавно отмечены Ленинской премией 1988 года.

— Читатели «Коммуниста» присоединяются к тем, кто с разных концов нашей страны и мира спешит отправить поздравительные телеграммы, позвонить в столичную гостиницу «Москва», где вас застала радостная весть! Таким образом завершен многолетний цикл, посвященный поискам художественного воплощения нравственных ценностей, размышлениям о добре и зле, о власти, о роли художника в обществе. Могли бы вы назвать наиболее памятный день во всей этой грандиозной работе!

— Тогда мне казалось что все произошло как-то сразу и одновременно: и успех в переполненном зале Римского оперного театра, когда в присутствии президента Италии мне вручили премию «Давид Донателло» — «Древо желаний» был назван лучшим иностранным фильмом 1976 года. И поездка на очередную премьеру этой картины, на этот раз — в Ереван: у меня было какое-то нехорошее предчувствие. Просмотром остался я очень доволен — почти ничего не было видно и слышно с экрана. Там не менее зрители искренне аплодировали. Показалось, что они льстят мне или просто извиняются за организаторов просмотра. На следующий утро гостеприимные хозяева предложили совершить традиционную прогулку вдоль озера Севан. Однако удрученные предыдущим вечером, мы с водителем киностудии «Грузия-фильм» не забывая о недобром предчувствии, рано утром выехали из Еревана. Помню, моросило. Примерно на 27-м километре широченного шоссе из-за поворота вылетел самосвал. На огромной скорости грузовой автомобиль перескочил газон и врезался в нашу «Волгу» со стороны водителя, погибшего на месте. От рокового удара передняя дверь распахнулась и меня выбросило... Эта чудовищная катастрофа произошла 13 мая 1976 года. Как видите, остался жив. С тех пор чертова дюжина — мое самое счастливое число. И вот когда я осознал, что произошло со мной, вернее, что могло случиться, уверился: если природа оставила меня в живых, значит, я должен сделать что-то приличное. Вскоре началась работа над картиной «Покаяние».

— Ваша трилогия заставляет думать, тревожиться, негодовать, страдать вместе с персонажами. Она не из легких для восприятия.

— Нет, сна — из легких, если у зрителя возникает с фильмом контакт чувств, а не умозрительный всплеск. Иначе картина проскочит мимо.

— Ваши картины, предшест-

вовавшие трилогии, чем-либо ценны для вас!

— Еще раньше вы меня спрашивали: когда возник замысел трилогии? Я ответил: лет 20 назад. Но честно говоря, это не верно. Всего я снял семь с половиной фильмов. По моему, у каждого художника должна быть выстраданная тема. У меня это тема протеста насилию,

реалистическое. Получилось настолько интересно, что в конце концов я их изъясил из ленты (в том числе и тот, с участием Енгибарова, к сожалению). Почему я это сделал? В каждом из нас сидит внутренний цензор, который выражает по сути личный страх, рабство, против чего я и снимал этот фильм. Снять-то снял, а сам таким же

именно режиссуру! Какие были к этому предпосылки в вашем детстве, юности!

— У нас в семье не было художественных традиций. Отец, Евгений Моисеевич, был врач; мама, Александра Яковлевна, по образованию экономист, а в сущности — когда появились трое детей — стала домохозяйкой. С малых лет полюбил

Тенгиз АБУЛАДЗЕ:

«НЕ ГОВОРИТЬ, ДА! ЕСЛИ СЕРДЦЕ СЧИТАЕТ НЕТ!»

тирании, унижению человека человеком. Человеком, не обязательно владеющим властью: в первом фильме, который мы сделали вдвоем с Резо Чхеидзе, народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии, ныне — директором киностудии «Грузия-фильм», в «Лурджа Магданы» (это я и считаю «половинкой») такой тиран, такой мучитель — угольщик. Какой-нибудь лавочник или просто распоясавшийся муж может быть страшным деспотом. «Лурджа Магданы» — начало красной нити, проходящей через всю мою работу.

— Возможно ли в вашей постановке фильм иного стиля? Скажем, кинокомедия в стиле Гайдая или лента в манере «Тихого Дона» Герасимова! То есть, без аллегорий и метафор!

— Могу. Знаете, одна из первых моих лент — «Ожерелье для моей любимой» по мотивам произведений дагестанского писателя Абу Бакара. В картине изложена история жемчуга — мальчика Бахадура, который по древнему обычаю должен преподнести будущей невесте или дорогой подарок, или впечатления после всемирного путешествия, в частности, по Дагестану.

В этом фильме играл и Леонид Енгибаров, талантливейший человек и художник. Это была, к сожалению, одна из немногих его киноработ. И вдруг Бахадура встречает какого-то человека, (Леонид Енгибаров) который ходит вверх ногами (рассказываю эпизод, не вошедший в картину), так вот он оказался гостеприимным и позвал Бахадура домой: «Во-первых, триглашаю к себе; во-вторых, хочу показать жену, красавицу, которую не сыщешь в мире». Они приходят в аул. Не дождавсь жены, Енгибаров пробегает по всем комнатам своего дома и не находит ее. Соседи сообщили: «Вместе с аксаблём «Лезгинка» она улетела в Париж». Енгибаров извиняется перед Бахадуром: «Без жены не могу прожить ни минуты!» Пошли комбинированные съемки. Бахадура машет платком, а Енгибаров вещает сверху: «Знай, в жизни главное — доверие, доверие...» и улетает вверх.

В этом фильме было множество подобных эпизодов: мне хотелось найти новые средства выражения, попытаться совместить очень условное и нату-

ральный, парадокс поразительный, но время тогда было такое.

— Действительно, когда закончились съемки «Покаяния», кинематограф в 1984 году предлагал нам множество развлекательных картин, однообразных и бездумных. А на полках лежали фильмы, которые были сочны либо слишком острыми, либо слишком трудными. Вы верили тогда, что ваша легенда дойдет до экрана!

— Вы знаете, верил. Кто-то из великих архитекторов нашего времени на вопрос о секрете своего творчества ответил: «У меня хороший заказчик». Хороший заказчик — это все. Меня часто спрашивают: «В чем причины театрального и кинематографического подъема в Грузии?» Обычно я отвечаю так: «У нас в Грузии много солнца, и это солнце одинаково светит и для художников, и для руководителей». Это, конечно, шутка, но в ней много правды. Если бы я не встретил почитания и поддержки, я бы не смог свернуть такую гору. Еще один фактор придавал мне решимость. Мой ежедневный путь на киностудию пролегал по улицам, носящим имена режиссера Сандро Ахматели, дирижера Евгения Микеладзе и видного партийного деятеля Грузии и Закавказья Мамия Орцхелашвили. И невольно я обращался к их трагической судьбе, я думал и о людях в других регионах нашей страны, в том числе в Армении, которые были репрессированы, потом реабилитированы, — но уже после смерти! А затем их именами назвали улицы.

Мне вспоминаются горькие слова Сергея Эйзенштейна: «В нашей жизни правда всегда торжествует, но жизни часто не хватает». И вот не так давно буквально полтора года назад, я снова в разговоре услышал подобную мысль. Между первым и вторым высказыванием прошло почти 40 лет! Но правда и сегодня не всегда легко пробивает себе дорогу, именно поэтому и надо было снимать этот фильм.

— Но что-то, вероятно, дается вам легко в работе, с ходу!

— Абсолютно ничего не могу делать с легкостью. Все — трудно. Но не должно быть трудно на экране...

— Тенгиз Евгеньевич! Почему вы избрали кинематограф и

театр. Жили мы совсем рядом с марджановским театром, на улице Камо, и часто ходили на спектакли, а актеры там были великолепные, тогдашние лидеры грузинской сцены. Это парвоз.

Второе: сильнейшее впечатление произвел на меня фильм Эйзенштейна «Иван Грозный». Кстати, тогда, в детские годы, я рисовал, пробовал ваять. А у Эйзенштейна каждый кадр буквально выписан, как картина. Пожалуй, именно это очень повлияло на выбор. По сей день придаю изобразительной стороне фильма колоссальное значение... Кстати, тогда мне и Резо Чхеидзе, совсем юным, так понравился фильм Эйзенштейна, что мы написали ему письмо. В нем говорилось, что готовы работать у него осветителями, лишь бы дышать одним воздухом с Эйзенштейном. И получили прекрасный ответ. Он предупредил нас, что хлеб кинематографиста — очень тяжелый хлеб, а труд, пожалуй, самый тяжелый из всех разновидностей художественного труда. Эпоха Ренессанса, писал он, когда в мастерской вместе с мастером работали его ученики, уже кончилась.

— Что для вас означают такие понятия как честь, чувство собственного достоинства!

— По сути это вопрос о моем нравственном и художественном кредо... Они сливаются. Недавно меня спросили: «А как у вас, у режиссера Абуладзе, с перестройкой?» Я ответил: «Мне не надо перестраиваться, потому что те, кто видел мой фильм 20-летней давности — «Мольба» и новый — «Покаяние», тот поймет, что кредо мое не изменилось: правда и только правда. Никогда не говорить Да! если сердце считает Нет! Именно в этом смысле мне не надо было перестраиваться, а вот развиваться, углубляться нужно постоянно.

— Существует изречение, которым вы руководствуетесь в жизни!

— Слова Чавчавадзе: «Ты будешь настоящим человеком, когда станешь каждый день отчитываться перед самим собой: что сделал доброго для ближних?».

Беседу вел
Гайик КАРАПЕТЯН.

[Корр. «Недели» — специально для «Коммуниста»].

МОСКВА.